

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА В ПОСТСОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ТРАНСФОРМАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ АРАНЖИРОВКИ

Зубарева Оксана Игоревна – аспирантка кафедры социологии факультета общественных наук и международных отношений Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; преподаватель кафедры социологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

В статье рассматриваются вопросы социологической концептуализации теории социального контроля в условиях постсоветских социокультурных реалий. Подчеркивается, что институциональная среда советского общества в целом заложила устойчивые паттерны отечественной традиции социологической концептуализации. Делается вывод, что источниками изменения содержательного наполнения концепта «социальный контроль» в контексте постсоветского социологического дискурса выступили деривация и мутация исследовательских практик в форме частичной смены понятийной сетки и концептуального освоения «новых» явлений постсоветской реальности.

Ключевые слова: социальный контроль, трансформация, концептуализация, дискурсивные практики, социокультурная среда.

У статті аналізуються питання соціологічної концептуалізації теорії соціального контролю в умовах пострадянських соціокультурних реалій. Підкреслюється, що інституційне середовище радянського суспільства в цілому заклало стійкі патерни вітчизняної традиції соціологічної концептуалізації. Робиться висновок, що джерелами реконфігурації змістовного наповнення концепту «соціальний контроль» в контексті пострадянського соціологічного дискурсу виступили деривація і мутація дослідницьких практик в формі часткової зміни понятийної сітки і концептуального освоєння «нових» явищ пострадянського соціуму.

Ключові слова: соціальний контроль, трансформація, концептуалізація, дискурсивні практики, соціокультурне середовище.

The article deals with the issues of sociological conceptualization of theory of social control in the conditions of post-Soviet social and cultural realities. It is emphasized that institutional environment of Soviet society as a whole laid sustainable patterns of domestic tradition of sociological conceptualization. It is concluded that the sources of content of reconfiguration of the concept "social control" in the context of post-Soviet sociological discourse were the derivation and mutation research practices in the form of a partial change conceptual grid and conceptual development of "new" phenomena of post-Soviet society.

Keywords: social control, transformation, conceptualization, discursive practices, socio-cultural environment.

Конструктивистская методология в отношении продуктов научного поиска позволяет констатировать тот факт, что социологические интерпретации действительности являются концептуальной конструкцией, параметры которой задаются конкретными социокультурными условиями производства социологического знания, закрепленными в социальных отношениях, в которые включены исследователи. То есть, опираясь на эвристические возможности конструктивизма и социокультурного подхода, избранных нами в качестве методологической рамки дальнейшего анализа, конструирование соответствующих узловых и атомарных социологических концептов рассматривается нами подчинное контролирующей силе дискурсивной формации общества. Следовательно, на уровне научной гипотезы можно предположить, что в ситуации посткоммунистических трансформаций, которые характеризуются качественным преобразованием всех параметров бытия: политического, экономического, культурного и антропологического, – происходит реконфигурация дискурсивного поля социологии и изменение способов социологической концептуализации.

Именно поэтому *целью* нашей статьи является исследование трансформаций внешнего социокультурного контекста как предпосылки модификации дискурсивных практик концептуализации социального контроля в условиях постсоветского общества.

Социальная трансформация предполагает изменение системных свойств общества как ответ на исчерпание ресурсов предшествовавшей формы развития, что объективируется, в частности, в изменениях институциональной поддержки культурной подсистемы [1, с. 20]. Прямым и непосредственным результатом постсоветских трансформаций, которые проявили себя как преодоление хаотической динамики фазы перехода и появление качественно иных структурных, культурных и деятельностных определенностей, стало установление «новых» правил игры, вписанных в институциональную архитектуру социума [2, с. 132]. Наиболее существенной характеристикой институциональной структуры постсоветского общества, по мнению ряда исследователей, работающих в рамках трансформационного подхода (О. Д. Куценко, Т. И. Заславской, А. А. Гриценко, Е. И. Головахи и др.) является двойственность (структурная дуальность). Следовательно, постсоветское общество рассматривается как своеобразный гибрид, социальная среда которого структурируется на основе развития рыночных отношений и их встраивания в воспроизводящуюся базовую институциональную систему отношений, характерную для государственного социализма с традиционной зависимостью членов общества от политических структур, высоким значением социальных сетей и неформальных правил взаимодействия. При этом, согласие действовать в условиях двойной институциональной нагрузки может идентифицироваться как черта «*homo postsoveticus*», исторический опыт которого продуцирует страх перед окончательным отказом от старой институциональной системы [3, с.8-10].

Модификация институциональной структуры постсоветских обществ в трансформационных процессах, несомненно, повлекла и изменения внутри поля социологии, затрагивающие формальные правила построения дискурса. В качестве последствий действия внешних трансформационных факторов культурно-институциональной среде постсоветской социологии присущи:

- интенсификация размытости критериев нормативной концептуализации, в результате чего регуляторами интеллектуального производства оказались уже не императивы, а довольно неопределенные рамки допустимого. С одной стороны, социологи получили методологическую свободу, возможность изыскивать новые познавательные средства, широкий доступ к западным теориям. С другой же, падение довольно устойчивого каркаса марксистской парадигмы в ее советском варианте обернулось разрушением структуры эпистемических норм отечественной социологии, когнитивной дезориентацией.
- инерция советской системы организации науки - как модус воспроизводства любого социального поля. Как итог, процессы социологической концептуализации в постсоветской ситуации оказались связанными с двумя взаимозависимыми векторами: устойчивостью «наработанных» типизированных и рутинизированных способов организации научного производства в рамках советской социокультурной матрицы, и отказом от «монотизма» в пользу идеологического плюрализма – замена марксизма как основной исследовательской парадигмы так называемой полипарадигмальностью.
- внутреннее пространство поля социологии представляет собой рыхлое, слабо интегрированное образование. Наиболее общие признаки, по которым научное сообщество постсоветской социологии может быть идентифицировано, – это общее происхождение из советского социального и интеллектуального контекста, продолжающаяся погруженность в этот контекст, то есть в устойчивое советское/постсоветское паттернирование опыта (в том числе обыденного опыта номинально профессиональной работы) [4, с. 47-48].

Обозначенные изменения уровня социальной практики в поле социологии, несомненно, обусловили трансформацию дискурсивной формации науки (на уровне объектов, модальностей высказывания (положений субъекта), концептов и стратегий (тематических предпочтений)). В данном случае, обращаясь непосредственно к предмету нашего анализа, мы фиксируем реконфигурацию дискурсивных практик концептуализации теории социального контроля в контексте постсоветской социологической традиции. В качестве эмпирического подтверждения полученных выводов послужат результаты авторского качественного исследования монографий, изданных на территории Украины и России в период 1991-2013 гг., а также содержательный анализ авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора или кандидата социологических наук по социологическим проблемам социального контроля за указанный временной интервал. При этом оговорим тот факт, что мы обращаемся к исследованию современной «украинской» и «российской» социологии, аргументируя это: во-первых, общностью наследуемых институциональных особенностей организации научного производства, во-вторых, высокой интенсивностью межстратовой интеллектуальной коммуникации.

Утверждая аксиоматичность социокультурной обусловленности дискурсивной сферы и ссылаясь на теоретические воззрения П. Бурдьё и концепцию дискурса М. Фуко, мы выделяем две стратегии

возможных трансформаций правил интеллектуального производства в поле социологии (как результат «приспособления» дискурса к изменениям социальной среды): стратегия научной преемственности и стратегия подрыва. В данном случае, тактики овладения новой социальной и научной ситуацией в рамках стратегии научной приемственности предполагают деривации и мутации исследовательских стратегий. Отметим, что в результате адаптации теории трансформации дискурсивных практик М. Фуко к нашему анализу, под деривацией следует понимать – изменение дискурсивного пространства социологического теоретизирования путем создания понятийных единиц (дериватов) на базе уже существующих, в результате «расширения» предметной сферы исследования. Мутация же предполагает смещение границ поля исследуемых объектов, когда последние воспринимаемые ранее как маргинальные, обретают статус центральных, например, в силу изменений возможностей пропагандирующей их научной школы в поле социологии. Наиболее радикальным способом преобразования научного порядка является стратегия «подрыва», которая направленная на коренные преобразования устоявшихся правил социологического производства. К проявлению подобных «аномалий» склонны либо доминируемые представители поля, либо «неудачники научной социализации» – «основатели еретического научного порядка». Цель подобной исследовательской стратегии – «полное переопределение принципов научной легитимности доминирования» [5].

Таким образом, мы выдвигаем гипотезу о трансформации дискурсивных практик концептуальной аранжировки понятия «социальный контроль» в поле отечественной социологии, путем частичной смены понятийной сетки и концептуального освоения «новых» явлений постсоветской реальности. Данный факт, с точки зрения предложенной нами методологической позиции, может быть обоснован ограниченным потенциалом ресурса подвижности структурных ограничений концептуализации в условиях изменений социокультурных реалий, направленных на воспроизводство структурирующих социологический дискурс элементов традиционного социокультурного контекста в форме культурных инверсий [6, с. 26]. Новый «порядок дискурса», таким образом, в любом случае содержат в себе элемент традиционной логики

Следовательно, как показывает, качественный анализ монографических исследований и авторефератов диссертаций, проблематика социального контроля в современном отечественном социологическом дискурсе не является трендовой и продолжает сохранять статус скорее прикладного аспекта исследования. При этом заметно расширение предметной области осмысления социального контроля. Так, наряду с уже апробированными сферами анализа (социального контроля как инструмента социального управления; социального контроля как средства преодоления девиантных форм поведения; социального контроля как элемента общественного мнения; ценностно-нормативной составляющей социального контроля) в дискурсивном пространстве постсоветской социологии интенсивно разрабатываются вопросы функционирования системы социального контроля в контексте локальных и глобальных трансформационных процессов. В рамках «инновационного» сегмента исследования затрагиваются проблемы демократизации, построения гражданского общества, маргинализации личности. Сложившаяся ситуация как свидетельство трансформации дискурсивных практик концептуализации социального контроля может быть объяснена действием избыточного разнообразия тактик осуществления институционализированного набора практик. То есть, те из них, которые в контексте культуры советского общества оценивались как маргинальные или латентные, приобретают в новых условиях доминирующее значение, попадая в сферу легитимного. Соответственно, подчиняясь логике «приращивания знания», текст должен содержать более или менее явное указание на новизну, выраженную либо в виде внутреннего заглавия, либо стилистически, в виде эпатажа, скандала, неприятия «устаревшего» или «традиционного». Однако разрыв с культурным образцом осуществляется с помощью дискурсивных средств, предписанных культурной системой.

В то же время, в условиях интенсивной социальной динамики, отличительной особенностью теоретических конструкций, актуализирующих тематику социального контроля, является продвижение кризисной парадигмы. Так, отчасти отдавая дань научной моде, на уровне текстового анализа избранных источников мы фиксируем частый повтор характерных лексем – «крах», «катастрофа», «кризис», «слом» вместе с использованием механизма гиперболизации («тотальный», «широкомасштабный», «кардинальный» и т.п.). Тактика повтора и стигматизирующей оценочности на уровне лингвистической организации текста (предполагает не только повторение определенных клише, но и стереотипию синтаксической структуры), реализует себя в виде нагнетания, многократного повторения отдельных словоформ и высокой концентрированности повторяющихся грамматических конструкций [7, с. 26-27]. Это позволяет говорить о анализируемом тексте как о суггестивном, направленном на формирование «кризисной» установки восприятия социальной реальности (что также обусловлено социальной практикой). Наряду с обоснованием актуальности изучения социального контроля в условиях «коренных» преобразований социального целого, концептуализация модели социального контроля осуществляется

сквозь призму анализа «новых социальных реалий». В качестве их атрибутивных элементов исследователи рассматривают процессы глобализации, демократизации общественных отношений, модернизации, построения гражданского общества, всевозможные личностные деформации. Показательной в этом плане является одна из первых монографий в украинской социологии, посвященная непосредственно проблематике социального контроля – Бойко Н. В. «Социальный контроль и демократизация общества» (2007 г.), в которой автор на основе осуществленного теоретического и эмпирического синтеза рассматривает особенности реализации социального контроля в современном украинском обществе. Также стоит отметить работу Е. М. Сулимы «Глобальный социальный порядок постиндустриализма» (2004), в которой ученым обосновывается влияние на демократизацию социального контроля глобализационных процессов, характеризующих современные мировые тенденции развития.

Теоретическая рефлексия концептуального оформления социального контроля в условиях изменившейся «социальной конъюнктуры» характерна и для российской социологии. Среди защищенных работ обращают на себя внимание труды А. В. Новикова «Социальный контроль в условиях трансформации российского общества» (2000), С. А. Абакумова «Развитие гражданского общества как фактор оптимизации социального контроля над деятельностью государства в условиях глобализации» (2006), Т. С. Мангушевой «Социальный контроль организации в условиях демократизации управленческих отношений» (2006). Таким образом, доминирующей тенденцией в производстве дискурсивных практик концептуализации социального контроля в современной российской социологии является фиксация качественных параметров трансформации социального целого в период изменений и кризисных явлений в обществе.

Как показывает анализ, пространство новых разработок теории социального контроля ограничивается концептуализацией специфических социальных явлений постсоветского общества на фоне отсутствия убедительных свидетельств смены методологической позиции их восприятия. «Преданность» наработанным схемам подтверждается показателем интертекстуальности исследуемых массивов. Достаточно стабильным является индекс цитирования советских источников либо с позиции приемственности интеллектуальной традиции, либо же в формате критического обзора. В данном случае советские интертекстуальные фрагменты, актуализирующие советскую мифологию, могут служить фоном, базой обозначения смыслов формирования новой постперестроечной мифологии. Зачастую такое инодискурсивное включение вводится в форме языковой игры, построенной на эффекте паронимической или омонимической аттракции [8].

Исходя из выше изложенного, мы подтверждаем наличие в отечественном социологическом дискурсе «активных «советских» вкраплений». В результате образуется некий коллаж образов: риторики советского официального языка, образов «дозволенного свободомыслия» советской эпохи и языковых маркеров «новой ментальности» [9].

На фоне активного внедрения «красочных интеллектуальных ярлыков» как свидетельства постсоветской эйфории в отношении легитимных практик концептуализации социального контроля практически неизменным остается объектно-предметное пространство исследований. Как подтверждение мутации интеллектуальных стратегий в поле современной отечественной социологии выдвигаются достаточно «устоявшиеся» сегменты анализа социального контроля. Прочное место занимает исследование девиантного поведения. Широкое распространение получает деятельность, сформировавшийся еще в советские времена Санкт-Петербургской школы девиантологии во главе с Я. И. Гилинским. Стоит отметить высокую продуктивность в изучении механизмов социального контроля сквозь призму анализа девиаций среди российских социологов, представленных трудами И. Н. Гурвича, Т. В. Шипуновой, И. А. Грошевой, В. В. Гольберта. В границах девиантологических исследований обращает на себя внимание авторская концепция рестриктивного социального контроля российского социолога Ю. Комлева. Не выходя за пределы структурно-функционального анализа (как устойчивой методологической платформы, занимающей доминирующее положение в постсоветском социологическом дискурсе), социальный контроль он рассматривает как «механизм сдерживания», существующий на трех уровнях: институциональном, групповом и личностном [10].

Трансформация дискурсивных практик концептуального освоения теории социального контроля в постсоветском социологическом дискурсе происходит и сквозь призму анализа социального управления. Так, с позиции того же управленческого подхода (как доминирующего в рамках советской социологии) социальный контроль рассматривается как элемент регуляции трудовых отношений в условиях рыночной экономики (напр. М. В. Веденева «Труд как объект социального контроля в условиях формирования рыночной экономики» (2000)). Подтверждением реконфигурации исследовательских стратегий в форме смены фокуса социологического анализа социального контроля выступает и перемещение исследовательского интереса к тем явлениям, которые в советском проблемном поле имели статус локальных и альтернативных. Согласно результатам анализа источников, с началом постсоветского периода в центр

пространства легитимной концептуализации попали такие проблемы, как исследования роли и функций средств массовой информации, влияния религиозного фактора на осуществления социоконтролирующей деятельности, специфики реализации идеологического компонента социального контроля (напр. А. В. Шкурко «Социальный контроль в информационном обществе» (2004), Н. В. Петрова «Социальный контроль над деструктивной деятельностью новых религиозных организаций» (2006), М. Д. Мищенко «Идеология, социальная мифология та трансформационные процессы в украинском обществе» (2006), Т. А. Хагуров «Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры» (2007), М. В. Солодовников «Цензура как механизм социального контроля: социологический анализ» (2011), В. Войналович, В. Еленский, М. Кирюшко, Н. Кочан, Н. Рублева «Религиозный фактор в процессах нации- и государствовроительства: опыт современной Украине» (2012)).

Подытоживая, отметим, что, согласно методологической оптике нашего анализа, социально-конструктивистская природа социологического знания предполагает качественные изменения в содержании концептуализации как результат фундаментальных трансформаций социокультурной среды. Следовательно, фиксируемая институциональная структура постсоветского общества, родовой чертой которой является дубликация институтов, порождает характерные черты постперестроечного социологического дискурса, а именно сосуществование «наработанных» типизированных и рутинизированных способов организации научного производства в рамках советской социокультурной матрицы и демонстративный отказ от «монотипизма» в пользу идеологического плюрализма. Исходя из этого, главным ресурсом теоретического осмысления феномена социального контроля в отечественной социологии становится смена фокуса социологического анализа социальной реальности в плоскость исследования эпифеноменов постсоветского социума. В итоге, с одной стороны, на уровне топики и риторики социологического анализа артикулируются ранее обозначенные аспекты исследования социального контроля – как инструмента социального управления; как средства преодоления девиантных форм поведения; как элемента общественного мнения; ценностно-нормативной составляющей социального контроля. С другой стороны, в дискурсивном пространстве отечественной социологии интенсивно разрабатываются вопросы функционирования системы социального контроля в контексте локальных и глобальных трансформационных процессов. В рамках «инновационного» сегмента исследования затрагиваются проблемы демократизации, построения гражданского общества, маргинализации личности.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Куценко О. Д. Фазы и пути системных трансформаций: подоби́я и различия в бывших странах государственного социализма / Куценко О. Д. // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О. Д. Куценко; со-редактор С. С. Бабенко. – Харьков: Изд. Центр Харьковского нац. ун-та имени В. Н. Каразина, 2004. – С. 11-82. 2. Гриценко А. А. Институциональная архитектура и социальная динамика в посткоммунистическом обществе / Куценко О. Д. // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О. Д. Куценко; со-редактор С. С. Бабенко. – Харьков: Изд. Центр Харьковского нац. ун-та имени В. Н. Каразина, 2004. – С. 132-150. 3. Головаха Е. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Головаха Е., Панина Н. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2001. – № 4. – С. 5-22. 4. Теория и методология в практике российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. Л. А. Козлова; ред.-сост. Н. Я. Мазлумянова, И. А. Шмерлина; Учреждение Рос. акад. наук Институт социологии РАН. – М.: Научный мир, 2010. – 480 с. 5. Бурдые П. Поле науки / П. Бурдые // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 6. Куценко О. Д. О некоторых социоструктурных последствиях институциональных изменений в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2000. – №2. – С. 26-327. 7. Малюкова Д. С. О примерах использования тактик манипулирования в современном медийном дискурсе // Малюкова Д. С. // Вестник Томского государственного университета, 2011. – №347. – С.24-27. 8. Смолина Н. С. «Советское» в адаптационных механизмах: преодоление кризиса идентичности / Смолина Н. С. // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28–29 мая 2008 г. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2008. 9. Резанова З. И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ / Резанова З. И. // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28–29 мая 2008 г. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2008. 10. Комлев Ю. Ю. Теория рестриктивного социального контроля: монография / Ю. Ю. Комлев. – Казань: КЮИ МВД России, 2009. –55с.